

Жизнь графа Каспара Штернберга, описанная им самим (Продолжение)¹

К.М. фон Штернберг

1808

Когда я узнал, что обе семьи, Ранцау и Лёв, прибыли в свое имение Цигенберг в Веттерау, я поехал туда в январе, чтобы поддержать и утешить обеих сестер. Я не виделся с Шарлоттой с ее помолвки с графом Ранцау. Перед нами проплыли картины нашей юности, которые смягчили настоящее; и 8 детей обеих семей, которые, всегда радостные, с непреодолимой силой увлекали каждого из нас в свои игры, помогли согреть эти печальные зимние дни. После краткого пребывания я вернулся в свои пенаты, но на обратном пути все же посетил в Эрлангене почтенного профессора Шребера², который был обладателем Вулфишского гербария и бегло познакомил меня с цветами Каринтских Альп, прежде всего с камнеломками.

Перед началом этого лета я наслаждался по праву, собственно говоря, праздником урожая моих самых счастливых дней в Регенсбурге. Я жил с моим другом Феликсом в своем саду, который теперь был окончен, полностью обставлен мебелью и обильно засажен растениями всех зон. Большинство проезжавших друзей приходили посмотреть его; их самая краткая похвала радовала меня более всего. Один путешественник прибыл к полудню: садовник занимался обедом, Феликса не было дома, один я в саду в домашнем костюме. Он пожелал увидеть сад, я провел его повсюду; он осмотрел все с большим вниманием, задал уточняющие вопросы, но совсем ничего не сказал до самого конца, когда со словами, произ-

Шарлотта Ранцау

Иоганн Христиан фон Шребер

¹ Начало см. в: *Lethaea rossica*. – Т. 7. – С. 59–63; Т. 8. – С. 53–61; Т. 9. – С. 68–78; Т. 10. – С. 74–84; Т. 12. – С. 113–125.

² Иоганн Христиан фон Шребер (1739–1810) – знаменитый немецкий врач и натуралист, член Королевской Шведской Академии наук, с 1791 года президент академии «Леопольдина». Ученик К. Линнея. Переводил его работы на немецкий язык (*Ред.*).

К.М. фон Штернберг
в своем саду в Регенсбурге (1807)

Сигизмунд Эрнст фон Хоэнварт

несенными лишь для себя: «Все так продуманно!», простился со мной.

Большинство прежних посланников Рейхстага были уже отозваны назад своими дворами, и многие из них уехали; из моих друзей некоторые еще оставались: граф Герц, его дочь, графиня Шлитц, господин и госпожа фон Лёв и другие.

Мой сад, который находился близко к месту для прогулок, был отделен от него только выдвижным мостом, который, благодаря одной доске, на которую нужно было наступить, сам выдвигался над канавой, чтобы впустить посетителей. Ботаники приходили набрать себе растений, затем шли, чтобы определить их, в библиотеку, где друг Феликс выдавал им книги; барон фон Лёв мастерски рисовал цветы, его жена сидела рядом и писала, дети возились в саду, и моя маленькая крестница была вынесена к десерту и накормлена клубникой.

Три раза в неделю в моей садовой зале я читал лекции о физиогномике растений по Александру фон Гумбольдту, которые посещались многими. Вечером после прогулки к чаю приходили друзья, чтобы провести вечер в холодке и, когда чистое небо позволяло звездам появляться в полном блеске, рассматривать их в райхенбахский телескоп. Вкус занятий наукой был связан с таковым от приятной жизни в кругу надежных друзей; он полностью олицетворял идеал, который виделся мне при закладке этого сада.

Виды на будущее, однако, не стали благоприятней. Французская армия завладела Римом, и Папа, который проявил большую стойкость, содержался тем временем пленником в Квиринальном дворце; поэтому о переговорах с Римом более не могло быть речи. Однако человек, созданный для нынешнего, строит свой дом на лаве Везувия, которая накрыла Геркуланум, и спокойно живет между руинами прошлого и полным угроз будущим.

Эта прекрасная жизнь продлилась до 8 июля, когда я получил письмо от моего брата, который вызвал меня на 15-е в Клагенфурт. С тяжелым сердцем оторвался я от моих друзей, которых вряд ли мог надеяться увидеть здесь когда-нибудь снова вместе. Я ехал быстро через Зальцбург и башни Радштедтера в Клагенфурт, куда прибыл 15-го июля. Поскольку я не нашел там своего брата и не хотел терять время, я предпринял экскурсию с будущим епископом Линца фон Хоэнвартом³, тогдашним главным викарием в

³ Сигизмунд Эрнст фон Хоэнварт (1745–1825) – епископ Линца (с 1809 г.) и натуралист. Известен своими работами по флоре Альп (Ред.).

Клагенфурте, и профессором Хостом⁴ на гору Баба (Alpe Baba). А затем поехал навстречу брату в Виллах, где мы встретились и поднялись на Виллахские Альпы. После этого мы разбили наш главный лагерь в Клагенфурте и оттуда то в одиночку, то с Хоэнвартом предпринимали экскурсии в различные районы Альп. Мой брат натащил камней, которые посыльные едва могли унести, я же нес свою более легкую добычу сам. Из Кэртнена мы прошагали в Штайермарк и Верхнюю Австрию, где посетили еще некоторые монастыри и поднимались на Альпы, и проехали, в конце концов, через Линц и Прагу в Бржезину, куда прибыли 10 сентября.

Мой брат выдержал эту довольно напряженную поездку без каких-либо жалоб; у него не было ни единого приступа эфемерной лихорадки, которая в течение 10 лет все чаще преследовала его, так что я покинул его совершенно спокойно и возвратился в свой сад в Регенсбурге. Общество сильно уменьшилось; однако я прожил до конца месяца в моем саду в совершенном довольстве, когда брат мой написал мне, что его очень мучают ревматические боли в обеих руках. Поскольку я хорошо знал, что без помощи врача, он имел обыкновение лечить себя сам по книгам, я предложил ему приехать ко мне в Регенсбург и позволить лечить себя д-ру Шефферу. Я не имел охоты так скоро снова покидать Регенсбург и очень интересовался встречей императоров Александра и Наполеона в Эрфурте, на которую были вызваны также короли Германии и князь-примас. Мой брат обратился тем временем к д-ру Чермаку в Праге, и я узнал через свою кузину о том, что лихорадка, которую брат определял как изнуряющую лихорадку, снова началась и сделалась повседневной. Теперь я сделал приготовления к отъезду: но еще не успел отъехать, как пришло срочное письмо, что брат внезапно скончался 18 октября от апоплексического удара.

Прибыв в Бржезину, я обнаружил мою кузину и одного коммерсанта, инспектора Донхаммера, который был очень привязан к моему брату. Погрузившись в глубокую скорбь, я очутился одновременно в чрезвычайно затруднительном положении. В последние годы своей жизни мой брат проводил лето большей частью в поездках, а зиму – в Вене; в его квартире все было в сильнейшем беспорядке, поскольку болезнь началась сразу по приезде. Необходимость принять на себя заботу об имениях, погрузиться в море чуж-

дых мне дел, чего требовало мое настоящее, и отказаться от созданного себе удобного существования, вызвала внутреннюю борьбу. Я еще не прочел об отреченности в «Песне странника» Гёте⁵; последовавшие события научили меня, хотя и немного грубо, этому великому искусству, и при этом я почувствовал себя очень хорошо.

Мой брат, когда он взял на себя управление имением, сразу выбрал наикрасивейшее место, где можно наслаждаться отличным видом, чтобы построить себе жилой дом рядом со смешанным лиственным и хвойным лесом и превратить этот лес в зоосад. Чтобы скорее добраться до этого удовольствия, он сначала построил небольшой деревянный дом, в котором поселился. И лишь затем приступил к строительству каменного дома, который из-за его частых отлучек готов был лишь в прошлом году и еще не был обставлен мебелью, в то время как деревянный дом находился уже в плохом состоянии. Поэтому первой моей заботой было найти себе удобную квартиру, разбить сад и построить теплицы. Пока я понемногу вникал в управление хозяйством имения, которое включало в том числе и мануфактуры, были намечены также планы, которые следующей весной предстояло начать осуществлять. В этих приготовлениях прошли два месяца.

Князь-примас тем временем вернулся в Регенсбург, и освящение памятника Кеплеру, которое было перенесено на этот момент, должно было теперь свершиться. Поэтому я поехал обратно в Регенсбург, где 21 декабря в присутствии примаса и многих других в моей садовой зале была пропета кантата и затем бюст Кеплера установлен в святилище.

1809

Общее настроение народа в Вене и передвижения французских и союзных войск, в особенности баварских, позволяли предвидеть скорое нарушение мира. Мне пришлось ехать в Вену по моим делам о наследстве; я потому торопился закончить их, чтобы выиграть еще некоторое время для завершения дел в Регенсбурге до того, как начнется кампания. 16-го января я прибыл в Вену, увидел значительный рост военной силы, которую там готовили, и в твердой уверенности, что полнейший нейтралитет Регенсбурга не будет уважаться ни одной из сторон, закончил, на-

⁴ Николаус Томас Хост (1761–1834) – австрийский ботаник и врач, лейб-медик императора Франца II (Ред.).

⁵ Имеется в виду стихотворение «Ночная песня странника» (Wanderers Nachtlied), широко известная в вольном переводе М.Ю. Лермонтова: «Горные вершины спят во тьме ночной...» (Ред.).

Моноптерос с бюстом И. Кеплера. По дорожке от памятника идут (слева направо) архитектор Э.Ж. д'Эригойен, К.М. фон Штернберг и отец П. Хайнрих (1808)

сколько смог, свои дела и 20-го февраля был уже снова в Регенсбурге.

Князь-примас, который теперь также признал войну неизбежной и устно высказал мне свое мнение, тем временем привел в порядок дело, касающееся покупки сада. Я передал ему счета, а он мне – купчую; набежавшие проценты были погашены, другие – разложены по числам, что, конечно, в том положении, в котором находился Регенсбург, выглядело немного сомнительным. Теперь я упаковал свои лучшие пожитки, спрятал кое-что в одном торговом доме, передал мою многотомную библиотеку и сад моему другу советнику посольства Феликсу. И когда я узнал, что французская армия заняла крепость Вюрцбург и баварские войска прорвались к этой армии, я выехал 24-го марта в Богемию, где также передвигались воюющие войска.

11-го апреля эти войска перешли границу, чтобы с этой стороны маршировать прямо в Регенсбург, который до того, как они прибыли, уже был занят французскими войсками; и с этого момента все движение и доставка почты были прерваны. От возвращающихся назад раненых, а затем от части войск, тянувшихся по Богемии через

Пльзень и Ческе-Будеёвице в Верхнюю Австрию, стало в общем понятно, что только лишь из-за капитуляции Регенсбург был занят, разграблен и частью сожжен вначале австрийскими, а затем после штурма французскими войсками. Но узнать что-то более детально и определенно было совершенно невозможно. Поскольку мне было известно, что французская армия, которая штурмовала Регенсбург, пришла со стороны Аббаха, и что Наполеон расположил свою главную квартиру в бывшем Картхаузе Брюля, я смог хорошо рассчитать, что главнейшее наступление пройдет через мой сад, и потому посчитал его потерянным. Но что стало с моим домом в городе, напротив которого на Троицкой горе стояла австрийская батарея, и где я еще оставил весь свой винный погреб и всю мебель, которые не смог взять с собой, я не смог узнать вовсе. И в этой чрезвычайно болезненной неопределенности я оставался все пять недель до 1-го июня, когда задержавшиеся письма от друга Феликса и других лиц принесли мне подробное описание этих страшных дней. Мое воображение было так напряжено этой неопределенностью, что действительность отступила назад перед моей озабо-

Штурм Регенсбурга. Слева на заднем плане пылает садовый дом К.М. фон Штернберга

ченностью. Я думал об описании пожарища в песне Шиллера о колоколе: «Он считает головы своих любимых, и смотри! Не пропала ни одна дорогая голова». Моя коллекция растений, моя библиотека в городе были спасены целиком, а те, что в саду, — частично, благодаря заботам друга Феликса; я вздохнул с облегчением. Мой дом в городе был поврежден одним-единственным ядром и лишь немного разграблен, поскольку оставленное вино привело его любителей в состояние покоя. Однако мой сад был полностью уничтожен, поскольку огонь батарей, которые проби-вали бреш, пронизывал сад между моим садовым домом и памятником Кеплеру, и все деревья были срезаны выстрелами на высоте человеческого роста. Австрийские егеря, которые в начале размещались в нем, подверглись нападению французов, отступили в город на башню рядом с воротами Петра, втащили вверх маленькую пушку и затем обстреляли мой дом, который заняли французы. Три полка кавалерии и две батареи промаршировали через сад; заборы были сломаны, канавы сравнены с землей и все растоптано. На бивуаке были сожжены все двери, жалюзи, шкафы из красного дерева и все запасы

древесины; дом капитула был охвачен пламенем и полностью сгорел, а когда город был захвачен и в него вошли военные, чернь разграбила то, что еще оставалось в пустом доме (14-е апреля).

Во всяком случае, для меня это был тяжелый удар; но по сравнению с потерями моих друзей и знакомых, которые были вынуждены лично выдерживать эти зверские сцены грабежа, в то время как треть города горела и никто не думал о тушении, а за пределами города оказались в огне также Штадт-ам-Хоф и Рейнхаузен, мое положение было, без сомнения, гораздо более счастливым.

Враждующие армии потянулись по правому берегу Дуная с той стороны Богемского леса к Вене: мы в стране (Богемии), хотя и должны были нести тяжелую ношу, лично ни за что не отвечали; я отдал себя в руки моей судьбе и обратил всю свою заботу на то, чтобы сделать свое новое Domicil⁶ (в Бржезине) как можно более удобным. Дом был обставлен, пастбище перед ним обнесено оградой, чтобы разбить на его мес-

⁶ Жилище, обиталище (лат.).

те сад, сельское хозяйство взяло меня в оборот. Я свел знакомство с двумя естествоиспытателями, которые жили поблизости от меня, с горным мастером Линдакером и маркшейдером Прайслером⁷; первый был минералогом и ботаником, второй — энтомологом. С ними я объехал мои железные и угольные рудники, постарался ввести в них упорядоченную добычу и по этому случаю обратил внимание на растительные окаменелости, которые я в первый раз увидел в их естественном местонахождении. Оба помогли мне выставить коллекцию минералов моего брата в заново обставленной библиотечной комнате, где также находились многие отпечатки *Lepidodendron* и папоротников.

Тем временем бои на берегу Дуная продолжались с переменным успехом. Битва при Асперне была выиграна эрцгерцогом Карлом и поставила Наполеона в двусмысленное положение у Любау: но его не оставили ни его спокойствие и счастье, ни его гигантские мечты образовать западную империю, которые были только еще усилены миром и его последствиями. Что я и другие думали тогда об этом, я выразил в письме от 12-го сентября из Бржезины:

«Не совсем удобно отвечать на ваши вопросы о пастырском письме Наполеона. Со времен Карла V австрийскому дому приписывают проект универсальной монархии, и хотя сомнительно, чтобы эта идея была придумана до Фердинанда III и, что совершенно определенно, она не могла больше существовать с Утрехтского мира, причины всех наших несчастий в том, что принц Евгений как настоящий пророк провозглашал в своих письмах: прусский кабинет больше всех цеплялся за эту химеру, чтобы вызвать раскол севера и юга Германии, и слабые князья империи, всегда исполненные страха, вписались в эту картину. Именно эта дезорганизация империи, которая была создана Вестфальским миром, и моральная слабость правительства Вены, которое отдало политическое преобладание Франции, и позволило пройти давним проектам Карла V в правительстве Людовика XIV. При этом роскошь и мягкость Бурбонов вызывали эффекты, которых меньше боялись. Но революция развязала руки силам французского народа. Смелый авантюрист, который смог подчинить себе революцию и народ, с жадностью ухватился за проекты правительства Версаля, чтобы со своим обычным

макиавеллизмом подменить их ранее существовавшими идеями Карла Великого и Цезаря. Можно проследить тенденцию к идее западной империи с 1800 года; она не была уравновешена ничем, кроме единственной идеи, также гигантской, уничтожить доминирование Англии в Индии, идеей, которая господствовала над экспедицией в Египет. Создание новых династий — это подражание Карлу Великому, а апостольское письмо, которое подготовило бы народы к объединению титула главного понтифика с таковым Цезаря, содержится в римской истории; статьи в «Монитёре», слишком длинные для переписывания, могли бы служить поддержкой тому, что я утверждаю. Пастырское письмо является не чем иным, как первой попыткой прощупать дух французской нации, единственной, которой он страшится. Если новое духовенство согнется без ропота, мы скоро увидим появление патриарха во Франции и другого в Германии. Эта идея, которая не нова для людей образованных, найдет поддержку также среди новых династий сатрапов, власть которых она будет расширять. Приложит руку к расколу, который готовит и который сможет вернуть нас к несчастьям XV и XVI веков и к Тридцатилетней войне. Но то, что мы творим уже 15 лет, является не чем иным, как новым изданием, основанным на разнице в просвещенности века, в котором мы живем. Воздействие новой революции такой природы непредсказуемо: история дает примеры, когда изменения происходят в духе эпохи, а несчастья, преследующие человечество, остаются прежними. Вот как можно описать нынешнее состояние происходящего, не останавливаясь на том, о чем ведутся переговоры в Альтенбурге, которые, вероятно, не будут окончательными для общего движения дел. Французская нация при Бонапарте стала такой, каким был богемский народ при Жижке; она кончит, после смерти своего командующего, тем же расколом на различные партии, которые правят по праву рождения, до самого конца. О, прекрасная перспектива!»⁸.

11-го декабря я в конце концов поехал в Регенсбург, чтобы увидеть его собственными глазами и подготовить прощание с ним. Не могу отрицать, что вид еще лежащих в руинах зданий от Рейнхаузена до Каменного моста, и вид моего сада и пронзенного многими тысячами пуль пустого садового дома без дверей и окон, где прошлым летом я пережил столь счастливые дни,

⁷ Ян Даниэль Прайслер (1768–1839) — знаменитый чешский натуралист, внесший большой вклад в изучение членистоногих. Помогал иллюстрировать «Флору Древнего мира» К.М. фон Штернберга (Ред.).

⁸ Письмо включено в текст мемуаров К.М. фон Штернберга на том языке, на котором было написано — на французском (Ред.).

Франц де Паула Шранк

глубоко меня огорчили. Но когда я узнал о личных страданиях столь многих друзей и знакомых и сравнил свое положение, например, с ситуацией графа Рехберга, у жены которого во время бомбардировки начались схватки и которая была вынуждена разрешиться от бремени в подвале, когда огонь уже подступал к Посланникову переулку, где он жил, то я почел себя счастливым, что был избавлен от этих сцен. Графу Рехбергу, советнику директории Бёзнера и некоторым жителям, которые имели смелость покинуть свои дома во время грабежа, несгоревшая часть Регенсбурга обязана своим спасением. Граф Рехберг в своем отчаянии попросил французского генерала о нескольких командах для тушения пожара, которые и были предоставлены; он надел генеральскую шляпу, предложенную ему одним баварским генералом, который находился в его доме и слег от усталости, облачился в свою униформу ордена святого Георгия, на которой были укреплены многие орденские звезды, встал во главе французских войск, которые сочли его кронпринцем Баварии, и повел их к пожару, где он обнаружил д-ра Бёзнера с насосами, но без людей для их обслуживания. К счастью, ветер немного сменил направление, и пожар с большим трудом был потушен, в то время как большинство генералов и офицеров улеглись спать от усталости с приказом будить их, если соседний дом окажется в огне. А команды рядовых развалились пьяные на улицах или грабили и бесновались внутри домов.

Князь-примас был лично особенно дружелюбен ко мне в Регенсбурге, однако вскоре он был вызван в Париж вместе с новыми королями.

1810

Если судьба Регенсбурга была уже решена, как я это давно предсказал, все же еще отсутствовала формальная передача его Баварии, и до тех пор я не мог выдвинуть свои требования к княжеству Регенсбург. Хотя у меня был случай при проезде императорской невесты Марии Луизы в Мюнхен и даже аудиенция у короля, который был ко мне всегда милостив и благосклонен, министр Монжеля был, однако, еще в Париже и не занимался делами. Также совсем другое дело звало меня в Богемию, где был наложен секвестр на мои владения из-за моего отсутствия, хотя прямо в 1809 году я там жил и получил паспорт на 5 месяцев, который еще не закончился. Его Величество Император находился в Праге; я получил аудиенцию и мгновенную отмену этого предписания, позволил ввести себя в собрание сословий и возвратился назад в Регенсбург, где занялся изданием *Revisio Saxifragarum*⁹, который печатали в Регенсбурге.

Главная квартира армейского корпуса генерала Даву, который еще напоследок высосал Регенсбург, в конце концов пришла в движение, и генерал Кампан передал Регенсбург, город и княжество, королевским баварским комиссарам, посланным для принятия, со всеми висящими на нем претензиями. Теперь пришло время вернуться в Мюнхен. Князь-примас выставил сразу после несчастья с Регенсбургом правовое основание «*casum fert dominus*»¹⁰, и Его Величество Король Баварии одобрил его также с учетом моего требования: однако формальности погашения в суде присяжных задержали меня еще на два месяца в Мюнхене. Я использовал их для поездки в Альпы с профессором Шранком¹¹ и старшим горным советником Фойтом в горы рядом с Тернзе.

Вернувшись в Регенсбург, я вышел из состава президиума Кассы поддержки верхнерейнского духовенства, послал князю-примасу мою монографию о камнеломках и простился с ним. Он ответил следующими словами: «И для меня этот год самый тяжелый в моей жизни. Мы можем

⁹ *Sternberg K.M. von. Revisio Saxifragarum iconibus illustrata. Bd I. – Regensburg, 1810 (Ped.).*

¹⁰ Должник отвечает за случайный вред, нанесенный собственности (лат.).

¹¹ *Франц де Паула Шранк (1747–1835) – немецкий ботаник и энтомолог, иезуит (Ped.).*

Давид Генрих Хоппе

Николаус Йозеф барон фон Жакен

оба сказать: *dulce linquimus arva*¹². Создание нового творения в старые дни: определенная потеря, неопределенное будущее! *Plurimum interest, in qua quis tempora incederit!*»¹³.

Эти слова я мог бы написать на его могильном камне! В мирные и спокойные времена, когда он мог бы жить исключительно для маленькой страны и для науки, он был бы хорошим князем, который оставил будущим поколениям благословение своих подданных и громкое одобрение всех людей науки своего времени: до реальностей своего последнего времени он не дорос.

Теперь, когда я порвал с настоящим, расстался со всеми предшествующими мечтами о жизни, простился со всеми значимыми для меня людьми и моими любимыми растениями, которые в моем саду уже снова дали новые ростки, я расстался с местом, где прожил прекраснейшие и счастливейшие годы юности, и, как я тогда верил, также самые штормовые дни, и охотно последовал, на 50-м году жизни, за судьбой, которая вела меня назад на мою родину, чтобы найти там то независимое существование, к которому я стремился с начала Революции.

Моя библиотека и все имущество были уже заранее отправлены. Осенью я поехал вслед за ними и использовал зимние месяцы для того, чтобы создать уют в моем новом жилище.

1811. 1812

Из этих двух лет я провел половину времени в Вене, чтобы заниматься делом о наследстве моей

кузины, графини Луизы Штернберг. Однако естественные науки не были забыты, и общение с графом Францем Вальдштейном, Жакеном¹⁴, Хостом и другими доставило мне некоторое отдохновение. Осенью 1811 года меня посетил мой друг Феликс, чтобы привести в порядок мою библиотеку в Бржезине, как до того в Регенсбурге; а в июле 1812 года мои собственные дела заставили меня ехать в Мюнхен. Когда я их закончил, я посетил моих старых друзей, графа Рехберга в его имении Донцдорф в королевстве Вюртемберг, семейство Лёв и Гюндероде в Веттерау, Франкфурте, Гейдельберге, княгиню Таксис в Тишингене и свой любимый Регенсбург, где еще жили граф Герц и мой друг Турн, и мой опустевший сад снова начал обретать очертания.

В сентябре 1812 Феликс снова сопровождал меня в Бржезину, и вскоре за ним последовал профессор Хоппе¹⁵, который с ботаничкой за плечами совершил сюда пешую прогулку от Унтерсберга. Здесь мы вели тихую счастливую жизнь, в то время как на севере текли потоки крови, и император Наполеон шел навстречу своему поворотному пункту. До 4 декабря Феликс оставался у меня; затем и я поехал в Прагу, чтобы провести в этом городе зиму со своей семьей.

(Продолжение следует)

¹⁴ Николаус Йозеф барон фон Жакен (1727–1817) – австрийский ботаник и химик голландского происхождения, почетный член Санкт-Петербургской Академии наук.

¹⁵ Давид Генрих Хоппе (1760–1846) – немецкий врач, ботаник и аптекарь, основатель Регенсбургского ботанического общества.

¹² Сладки мысли об отдыхе (*лат.*).

¹³ Много интересного происходит всякий раз! (*лат.*).